ПО КАКОМУ СЛУЧАЮ ПОСТРОЕНЪ ПѢВЧЕСКІЙ МОСТЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ЕЩЕ ЖИВЫ немногіе старожилы Петербурга, которымъ памятно то время, когда Пѣвческаго моста не существовало, и берега Мойки соединены были лодочнымъ перевозомъ,—съ одной стороны противъ зданія министерства иностранныхъ дѣлъ, съ другой же, противъ дома Рекетти, нынѣ Калугина, въ которомъ помѣщался, и помѣщается теперь, ресторанъ Донона,—но едва ли кому изъ этихъ старожиловъ, а тѣмъ болѣе изъ нашихъ современниковъ, извѣстно обстоятельство, послужившее поводомъ къ сооруженію Пѣвческаго моста. Обстоятельство это неразрывно связано съ воспоминаніемъ моимъ о графѣ Юріи Александровичѣ Головкинѣ, который и былъ главнымъ виновникомъ возникновенія моста, въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Мнѣ было тогда 30 лѣтъ, время счастливой поры моей жизни. Я служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и находился при графѣ Ю. А. Головкинѣ секретаремъ и корреспондентомъ Харьковскаго университета, котораго графъ былъ попечителемъ.

Графъ Ю. А. былъ типомъ русскаго вельможи, нынѣ уже исчезнувшимъ. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, членъ государственнаго совѣта, прямой потомокъ извѣстныхъ дѣятелей Петровскаго и Аннинскаго царствованій, онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Львовнѣ Нарышкиной. Отецъ его женился на швейцаркѣ, жилъ безвыѣздно за границей, и въ Россію не возвращался. Жена и дѣти его, не исключая и графа Юрію Александровича, были реформатскаго исповѣданія. Воспитаніе графа Ю. А. шло въ

либеральномъ направленіи энциклопедической философіи, родившей французскую революцію.

Не смотря на свое иностранное происхожденіе, графъ въ душѣ былъ русскій, любилъ Россію, и свой родной языкъ, хотя и не могъ свободно на немъ объясняться, впадая часто въ ошибки. Долговременное пребываніе за границею заставило его отвыкнуть отъ употребленія русскаго языка. Сознавая этотъ недостатокъ и желая правильно говорить порусски, онъ нуждался въ переводчикѣ, знающемъ хорошо русскій и французскій языки, почему и обратился къ канцлеру графу Нессельроде, прося рекомендовать ему чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ, который бы при основательномъ знаніи русскаго языка, могъ объясняться и на другихъ языкахъ. Графъ указалъ на меня, и мнѣ удалось впослѣдствіи расположить къ себѣ графа Юрія Александровича.

Государственная дѣятельность графа мнѣ мало извѣстна и едва ли имѣетъ она за собою заслуги историческія. Изъ выдающихся фактовъ его служебнаго поприща, было чрезвычайное посольство его въ Китай въ 1805 году,—но миссія эта, какъ извѣстно, не увѣнчалась успѣхомъ. Съ тѣхъ поръ большею частію проживалъ онъ за границею, но тѣмъ не менѣе пользовался милостивымъ вниманіемъ императора Николая Павловича, чему и я былъ свидѣтелемъ.

По возвращеніи своемъ изъ-за границы, графъ удостоенъ былъ самаго милостиваго и ласковаго пріема,—государь немедленно сдѣлалъ его членомъ государственнаго совѣта, и, пособственному желанію графа, попечителемъ Харьковскаго университета. Въ Харьковскомъ уѣздѣ у графа было значительное имѣніе, Константиново, куда онъ уѣзжалъ ежегодно. Находясь при немъ, я вслѣдствіе этого получилъ званіе корреспондента университета.

Въ описываемое мною время, графъ, живя въ Петербургѣ, занималъ квартиру въ домѣ Рекетти, близь котораго находился лодочный перевозъ. Квартира его помѣщалась въ двухъ этажахъ, средній онъ занималъ самъ, а верхній предоставилъ чиновникамъ при немъ состоящимъ, и профессорамъ пріѣзжавшимъ по временамъ изъ Харькова.

Образъ жизни графа былъ скромный, хотя онъ имѣлъ состояніе, которое дозволяло ему жить гораздо шире, соотвѣтственно своему высокому положенію; одинокій вдовецъ, онъ былъ окруженъ только лицами при немъ служащими, и нѣкоторыми обычными посѣтителями, садившимися за его обѣденный столъ въ 5 часовъ.

Изъ лицъ болѣе близкихъ къ графу и мнѣ памятныхъ, назову двоюродного его внука, князя Юрія Николаевича Голицына, извѣстнаго, впослѣдствіи, своими музыкальными концертами, отца его князя Николая Борисовича и сестру его Татьяну Борисовну Потемкину. Изъ числа же по стороннихъ, почти ежедневнымъ посѣтителемъ обѣдовъ графа былъ Александръ Дмитріевичъ Крыловъ,

недавно умершій въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а въ то время не болѣе какъ студентъ Харьковскаго университета, пользовавшійся благосклонностію графа за свои успѣхи въ наукахъ.

Однажды, графъ обѣдалъ дома (о чемъ намъ объявлялось съ утра), и на этомъ обѣдѣ присутствовали: упомянутый мною А. Д. Крыловъ, профессоръ ботаники Колениченко, секретарь графа, Роберти, и я.

Едва мы сѣли за столъ, какъ обѣдъ былъ прерванъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ столовую вошелъ фельдъегерь отъ государя и передалъ графу приглашеніе немедленно пожаловать во дворецъ къ обѣду его величества. Графъ тотчасъ же всталъ изъза стола и, не переодѣваясь, поспѣшилъ отправиться во дворецъ, сказавъ намъ дружески:

— Messieurs, je vous souhais bon appetit.

Не прошло и пяти минутъ послѣ ухода графа, какъ мы услышали необыкновенный шумъ на улицѣ и крики:

— Утонулъ... утонулъ!..

Мы тотчасъ же бросились къ выходу и, выбѣжавъ на улицу, увидѣли, что толпа окружала пристань перевоза, а графъ стоялъ въ водѣ, покрывавшей его до плечъ; только благодаря своему огромному росту онъ не былъ залитъ ею совершенно. Оказалось, что входя торопливо въ лодку, графъ оступился и упалъ въ Мойку.

Мы бросились къ графу, но онъ уже выходилъ изъ воды безъ посторонней помощи. Мы хотѣли взять его подъ руку, но онъ быстро оправился и первыя его слова были:

— «Roberti! allez annoncer à l'Empereur ce qui vient m'arriver».

Вслѣдъ за тѣмъ графъ бодро сталъ подыматься по лѣстницѣ. Вода ручьями текла съ его платья.

Въ такомъ видѣ мы проводили его до дверей спальни, и онъ просилъ насъ возвратиться въ столовую и продолжать обѣдъ, прерванный такимъ необычайнымъ образомъ. Мы усѣлись снова. Прошло немного времени. Графъ, переодѣтый и веселый, сидѣлъ уже съ нами за столомъ; шутливое настроеніе хозяина производило на насъ чарующее вліяніе. Такъ прошло полчаса; между тѣмъ, Роберти еще не возвращался.

Вдругъ, въ смежной комнатѣ послышалось какое-то суетливое движеніе, затѣмъ быстро растворились двери и въ комнату вошелъ императоръ, безъ всякаго предупрежденія.

Впечатлѣніе этой минуты навсегда осталось въ моей памяти.

— Ты торопился ко мнѣ, и едва не утонулъ, — сказалъ государь, бросившемуся къ нему на встрѣчу Головкину; затѣмъ, не останавливаясь, прямо прошелъ въ слѣдующую комнату, направляясь въ кабинетъ графа.

Пребываніе государя и разговоръ въ кабинетѣ продолжались недолго, но мы, пораженные неожиданнымъ приходомъ императора, не скоро могли прійти въ себя. Но вотъ двери кабинета опять отворились; государь появился снова, и, провожаемый графомъ до подъѣзда, уѣхалъ обратно во дворецъ.

Прошло полстолѣтія; въ памяти моей едва сохранились образы и картины столь отдаленнаго времени, но величественная фигура императора Николая до сихъ поръ живо мнѣ представляется.

Проводивъ государя, графъ возвратился къ намъ и съ сіяющимъ лицомъ объявилъ торжественную новость.

— Господа,—сказалъ онъ,—государь удостоиваетъ меня необыкновенно высокаго счастія; онъ обѣщалъ завтра пожаловать ко мнѣ откушать, вмѣстѣ съ государыней императрицей.

При этомъ графъ повторилъ слова государя, какъ они были буквально ему сказаны:

— «Тебѣ надо посидѣть дня три дома. А чтобы тебѣ не было скучно, я пріѣду къ тебѣ обѣдать, вмѣстѣ съ императрицею, и привезу съ собою Нарышкиныхъ».

Нарышкины, какъ я уже сказалъ, были въ родствѣ съ Головкинымъ.

Эта неожиданная новость пробудила въ домѣ лихорадочную дѣятельность. — Все пришло въ движеніе, въ ожиданіи высокихъ гостей, времени же къ приготовленію было слишкомъ мало.

Какъ бы то ни было, на другой день, къ пяти часамъ мы завидѣли приближающіеся экипажи, и вскорѣ государь и государыня вступили въ подъѣздъ, встрѣчаемые графомъ Юріемъ Александровичемъ.

Прошло такъ много времени, что подробности пріема уже ускользаютъ изъ моей памяти, — и хотя съ годами она ослабѣла, но мнѣ еще ясно представляется моментъ, когда императоръ въ сопровожденіи Нарышкиныхъ проходилъ мимо насъ. Помнится такъ же, какъ толпа любопытныхъ окружала домъ, занимаемый графомъ, и какъ самъ оберъ-полиціймейстеръ (Кокошкинъ) прохаживался по тротуару набережной Мойки, ожидая выхода государя и государыни.

Честь сдѣланная графу Головкину выходила изъ ряда обыкновенныхъ, ибо хотя государь и обѣдалъ иногда у частныхъ лицъ, но едва ли вмѣстѣ съ государыней императрицей.

Когда уѣхали высокіе гости, графъ собралъ насъ вокругъ себя, и сообщилъ о новомъ доказательствѣ монаршаго къ нему благоволенія.

Во время обѣда, государь объявилъ непременную свою волю, чтобы на мѣстѣ, гдѣ случилось вчерашнее приключеніе съ графомъ, былъ выстроенъ каменный мостъ, въ предупрежденіе могущихъ повториться подобныхъ случаевъ.

Подробности постройки моста несомнѣнно хранятся въ архивахъ петербургской думы, и я не берусь ихъ описывать. — Но могу только прибавить, что мостъ этотъ былъ выстроенъ съ необыкновенною быстротою.

Разсказавъ необычайный случай, повлекшій за собою постройку Пѣвческаго моста, скажу кстати нѣсколько словъ и о личныхъ отношеніяхъ моихъ къ графу, составляющихъ самый счастливый періодъ моей жизни. Пользуясь безграничнымъ довѣріемъ его, я имѣлъ безчисленныя доказательства его сердечнаго ко мнѣ расположенія. Письма его, какъ драгоцѣнный залогъ дружескихъ ко мнѣ чувствъ, сохраняются у меня и понынѣ, — хотя они большею частію относятся ко времени его поѣздки въ Харьковскую губернію.

Всѣ денежныя операціи графа производились мною, и независимо отъ этого, въ знакъ особаго довѣрія ко мнѣ, графъ сдѣлалъ меня производителемъ дѣлъ опеки, учрежденной надъ имѣніями князя Юрія Николаевича Голицына, въ то время несовершеннолѣтняго. Опекунами же были: сенаторъ Лубяновскій, Александръ Васильевичъ Кочубей, и самъ графъ Юрій Александровичъ.

Эти отношенія неизмѣнно сохранялись, до самой кончины графа, послѣдовавшей въ бытность его въ Харьковской губерніи, въ имѣніи Константиново, въ 1844 году.

М. М. Михайловъ.

II.

Къ статьѣ «По какому случаю построенъ Пѣвческій мостъ».

Въ статьѣ г. М. М. Михайлова «По какому случаю построенъ Пѣвческій мостъ», помѣщенной въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» вкрались слѣдующія неточности, которыя, мнѣ кажется, слѣдуетъ оговорить:

Графъ Ю. А. Головкинъ умеръ не въ 1844 году, а въ 1846; эта дата его смерти обозначена, вмѣстѣ съ датой его рожденія (1764 г.) на надгробномъ памятникѣ графа, воздвигнутомъ надъ его прахомъ въ церкви мѣстечка Константинова, дочерью графа княгиней Наталіей Юрьевной Салтыковой-Головкиной и внукомъ его княземъ Алексѣемъ Александровичемъ Салтыковымъ.

Князь Юрій Николаевичъ Голицынъ названъ г. Михайловымъ двоюроднымъ внукомъ графа Головкина, между тѣмъ, какъ князь Юрій Голицынъ родной правнукъ графа Головкина, а именно: у графа Юрія Александровича Головкина, отъ брака съ Нарышкиной, была одна дочь Наталія, которая отъ брака съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Салтыковымъ имѣла четырехъ дочерей; старшая изъ нихъ, княжна Елена Александровна, была замужемъ за княземъ Николаемъ Борисовичемъ Голицынымъ и въ бракѣ съ нимъ родила сына князя Юрія Николаевича Голицына.

Имѣніе графа Головкина при мѣстечкѣ Константиновѣ съ селами и деревнями было не въ Харьковской губерніи и уѣздѣ, а находилось и находится въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, па берегу рѣки Сулы, въ томъ углу Роменскаго уѣзда, который граничитъ съ Лебединскимъ уѣздомъ Харьковской губерніи и Путивльскимъ, Курской губерніи.

Имѣніе Константиново, по смерти графа Головкина, перешло къ его дочери княгинѣ Наталіи Юрьевнѣ Салтыковой-Головкиной, будучи обращено, согласно просьбѣ графа, указомъ императора Николая I въ маіоратъ; послѣ нея къ ея сыну и внуку графа, князю Алексѣю Александровичу Салтыкову-Головкину, а послѣ него въ 1874 году къ праправнуку графа князю Евгенію Юрьевичу Голицыну-Головкину, который умеръ 2 го сентября 1887 года. Указъ императора Николая I о маіоратѣ данъ 20-го іюля 1845 года.

Н. Стечькинъ.